

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 111

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕКЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

А.Н. Огнев*

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,*

г. Самара, Россия

E-mail: ognev.ssau@mail.ru

Аннотация. *Рассматривается вопрос о соотношении теории и практики с точки зрения взаимно-однозначного соответствия бытия и мышления. Выявлены этапы формирования концепции онтогносеологической детекции. Показана значимость концептуального разграничения теории и практики. Делается вывод о критериальном характере тезиса о единстве теории и практики с точки зрения факторного ранжирования в онтогносеологической детекции действительности.*

Ключевые слова: *онтогносеология, бытие, мышление, теория, практика, сущность, форма, содержание.*

Вопрос о соотношении теории и практики принадлежит к числу ключевых проблем классической философской мысли, входя в ее основополагающий проблемный фонд в качестве индекса проблемной релевантности концептуальных новообразований в истории человеческого разума. В той мере, в какой человеческий ум узнает свою собственную сущность в аквизитах исторической реальности, он оказывается поставленным лицом к лицу с действительностью, инспирированной тем проблемным содержанием, которое, будучи формализованным в экспозитивах способности суждения, возвращает ему идеальный аспект его идентичности преобразованным в соответствии с императивами общественного бытия. Проблема состоит в том, насколько сущностная идеация действительности способна легализовать границу между теоретической позицией, исходящей из объективного генезиса разума, и практической установкой состоявшегося исторически типа субъективности? Ответ на этот вопрос призвана дать онтогносеологическая детекция действительности, усматривающая свою задачу в раскрытии нормы идеации сущностного единства бытия и мышления, образующего содержание, адекватное мере умпостигаемой свободы субъекта.

* **ОГНЕВ Александр Николаевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва».

Затрагивая вопрос о соотношении теории и практики, необходимо опираться на принцип конкретного историзма, на основании которого задается презумпция аутентичности, выражающая дух эпохи (*Zeitgeist*), адекватный тому субстанциальному содержанию самосознания, которое подлежит схватыванию в понятии. На необходимость именно такого подхода к существу дела (*die Sache Selbst*) указывал в «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегель, подчеркивая то обстоятельство, что действительность наличного бытия в своём понятии есть диалектический процесс, интегрирующий в своём составе аспекты своего собственного отрицания: «Эта истина включает в себе, следовательно, в такой же мере и негативное, то, что следовало бы назвать ложным, если бы его можно было рассматривать как нечто такое, от чего следовало бы отвлечься» [2, с. 24]. Теория и практика, таким образом, оказываются моментами диалектического процесса, в котором отрицательность, взятая в своём теоретическом аспекте, предстаёт вполне корректной формой практического полагания абстрактной стороны истины, идея которой требует длительного исторического созревания в реалиях сущностной экспликации субъекта, способного к понятийному опосредствованию (*Vermittlung*) действительности. Немецкая классическая философия выявила этот диалектический мотив, но не смогла его развить *in concreto*, на что указывал ещё Л. Фейербах в «Предварительных тезисах к реформе философии»: «Абстрагировать – значит полагать сущность природы вне природы, сущность человека – вне человека, сущность мысли – вне акта мысли» [9, с. 73].

Суть онтогносеологической детекции состоит в преодолении этого искусственного разрыва, в ходе которого теория и практика должны быть поняты как порядки опосредствования, имеющие общий сущностный фокус, но подлежащие разновекторной тематической формализации. Для теории тематично единство мышления, охватывающее реальную множественность фактов бытия, тогда как для практики тематичен акт идеации бытия, исполняющего реализацию континуальности мышления в материале. Хотя эти сущностные различия неустранимы, их взаимную внеположность не следует считать непреодолимым фатумом. В той мере, в какой неотразимое в теории оказывается практически выразимым, разум обретает шанс на преодоление превратностей своего действительного генезиса, в постулировании нормы своей идеации для реальности как необратимого процесса. В этом сюжетном повороте не заключено мировоззренческой консоляции, но намечена предметная аблятивность истины по меркам той свободы, которой располагает человек в качестве разумного смертного существа, способного к отражению конечности собственной реальности через необходимые финалистские идеализации, в которых детерминизм сущего предстаёт в превращённой форме телеологического ноумена. Дискретная телеология предлагает к исполнению реальность, практический смысл которой не может быть оспорен с позиций детерминизма, но ценность которого в аспекте его общезначимости может предпо-

лагать как повышение, так и понижение уровня идеализации сущего с точки зрения наличного детерминативного комплекса. В порядке природы, охватывающем безотносительно к бытованию человека сущностные связи вещей, процессов и состояний, указания на такую коллизию не обнаруживаются, ибо природа практически не преобразует саму себя по запросу свободы и не мыслит себя как знак, тематизируемый по меркам некой абстрактной теории. В сущности, на это намекает признание античного скептика Секста Эмпирика, «что нет указывающего знака» [10, с. 116], который был бы достаточен в качестве критерия актуальной изостении теории и практики в качестве комплекса предметных предпосылок самой действительности. Онтогносеологическая детекция призвана обнаружить симптоматический форматив действительности, идентичный функциональному комплексу такого «указывающего знака», руководствуясь его гипотетической инклюзией в составе предметной мыслимости сущего по программе «als ob» – тематизации реальной типологии наличного субъекта. При этом следует понимать, что ни один функциональный ансамбль, будучи семиотическим обобщением, не тождественен по своей предметной основе реальному обобществлению бытия в аквизитах действительной формы, в которой субъект идеализирует предпосылочную сторону своего наличного бытия. В этом состоит смысл признания М. Нордау, когда он утверждает, что «история была бы самой объективно верной, потому что посвящает себя не возможным или вероятным, а действительным явлениям» [8, с. 336]. Они таковы в силу того, что заключают в себе дистинктивный семиозис, функционально достаточный для различения теории и практики. Явлениям мало просто состояться, они должны являть некую сущность по канону ее предметной репрезентации.

У разведения теории и практики в истории философии между тем есть серьезные формационные основания, дающие о себе знать через эффект мотивационно-установочного гистерезиса предпосылок. Античная коммуникативная формация была бесконечно далека от приписывания практике сверхценного статуса в силу того, что усматривала в деятельной жизни как таковой удел рабов, полагая, что практика значима только для тех, кто с антропологической точки зрения не обладает самодостаточностью, будучи обделён средствами к жизни. Классическая эпоха веры третировала практику по иной причине: в средневековой коммуникативной формации само практическое отношение к действительности было выражением привязанности человека к обстоянию падшего естества, тогда как только в теории «богоданная» сущность вещей делалась интуибельной посредством акта мистического созерцания. Только с наступлением Нового времени стала возможной не только реабилитация практики, но и ее мировоззренческий реванш. Т. Гоббс увидел в ней манифестацию политической сущности человека, отражающей его природу как инклюзивного социального тела. И. Кант придал ей этическое измерение, обосновав противопоставление легальности и моральности. К. Марксу

принадлежит исключительная роль в наделении практики сверхценным статусом в контексте экономических отношений, в ходе чего практика получает значимость универсального критерия истины, что ведет к представлению о практической трансценденции действительности, противопоставляемому трансценденции, трактуемой в ключе спекулятивной контемплиации. С критикой одностороннего преувеличения значимости практики выступал итальянский неогегельянец Б. Кроче, предостерегая современников от ее метафизической абсолютизации в марксистском, позитивистском, утилитаристском и прагматическом ключе: «Ничем будет и поступок вне и без интенции. Теоретический и практический дух в этом аспекте, как и везде, взаимно наполняют и дополняют друг друга» [4, с. 51]. К тому моменту марксизм уже сформировал догму о единстве теории и практики, исходя из представления о полном поглощении теории «революционной» практикой, которая на проверку оказывалась утопической самофальсификацией типологических реалий генезиса исторической субъективности.

В свете «основного вопроса философии» проблема соотношения теории и практики требовала нахождения первоначального явления, заключавшего в себе знаковое указание на непосредственное единство, трактуемое либо в материалистическом, либо в спиритуалистическом ключе, что представляло собой явный метафизический рецидив. «Вокруг этого вопроса вращается вся борьба различных мировоззрений. То делают первоначальным явлением и кладут в основу объяснений жизнь, то мышление, то материю» [3, с. 72], – свидетельствует Г. Геффдинг. Следует также согласиться с В. Виндельбандом в том, что «чисто эмпирическое понимание кардинального философского вопроса неизбежно приводит к релятивизму» [1, с. 220]. Попытка локализовать единство теории и практики в формате привилегированного явления, заключающего в себе основное содержание действительности, есть самый распространённый и самый тривиальный соблазн человеческого ума, посредством которого релятивизируется либо мышление (на основании непосредственных фактов бытия), либо бытие в режиме его идеалистического домысливания вне акта предметного опосредствования. В первом случае само мышление должно без остатка выродиться в фактографию отражения, а во втором – бытие обречено на то, чтобы превратиться в формат инсценизации трансцендентальной подтасовки понятий. Обе позиции, рассчитанные на редуционистское понимание единства теории и практики, оказываются не просто рецидивами догматизма, но и выдвигают на передний план утопический семиозис, воспроизводящий бессодержательный анамнезис в режиме директивной мировоззренческой формализации.

Онтогносеологическая детекция теории и практики требует их различения *sub specie* действительного содержания, обретающего форму взаимно-однозначного соответствия бытия и мышления в акте рационального присвоения предметности. Утопическое присвоение предметности предполагает,

что в ходе превратного праксиса возникает теория, дающая эффект трансценденции, на основании которой должно сложиться некое практическое обстояние, заключающее в себе аугмент исходной практики. На деле в нем может быть воспроизведена только превращённая форма содержания, объявлено теоретически-исчерпанным. Рациональное присвоение допускает наличие общетеоретической карты, позволяющей увидеть детерминации, на основе которых типологически-определенный в своей реальности субъект способен идеализировать свои цели в ключе нормы теоретической рефлексии. Это вызывает к жизни практику, выявляющую очаг диалектического противоречия, в котором реализуется форматив «истинной середины» (*die wahre Mitte*). Так возникает *desideratum* теории, основывающейся на практике. Такая теория заключает в себе возможность прогресса научного познания в той мере, в какой его форма приводит к дифференциации содержания на объектируемых конкретно-исторических предпосылках. В классическом мире оценка приоритетов теории и практики с точки зрения критерия утопичности и рациональности была бы прямо противоположной, но в действительности отмеченной печатью реального обращения по Г. Дебору, имеет место именно этот порядок, поскольку в ней истинное оказывается моментом внутри мнимой тотальности. Эта подробность значима для понимания исходной позиции онтогносеологии как продукта преобразования действительности на абстрактных идеологических основаниях, но именем принципа конкретного историзма ради примата практики.

Именно этот ход мысли получил своё развитие в онтогносеологии М.А. Лифшица, развиваемой им в ключе «полемического марксизма», предполагающего, что истина как таковая требует для себя формата диалектического противоречия. Находясь между Сциллой марксистского идеологического официоза и Харибдой «критического» ревизионизма, М.А. Лифшиц учил: «Выскочить из мысли нельзя так же, как нельзя выскочить из факта. Вот где уместно соображение о том, что мысль есть, как и бытие. Но она есть как мысль, следовательно, бытие мыслимо» [7, с. 20]. С позиций диалектического понимания гегелевской «истинной середины» советский мыслитель ставил вопрос о материалистическом значении телеологии как концептуального расширения детерминистского каузализма. М.А. Лифшиц допускал, что «относительная телеология существует, существует именно как различие двух типов причинности» [6, с. 211], имея в виду видение теории и практики в ключе из представления как аверса и реверса проблемного содержания реальности, загнанного в форматив трансцендентальной амфиболии понятий рефлексии. Эта установка отличает его позицию от позиций М. Леске, Г. Редлова и Г. Штилера, стремившихся «отмежеваться от попыток и тенденций перенести целевую и смысловую определенность человеческой деятельности под углом зрения телеологии на мир вообще» [5, с. 173], что означало намерение выплеснуть вместе с водой и ребёнка – проблему соотношения

теории и практики. Теория дистинкций в онтогносеологии предполагала сохранение телеологического ракурса в дискретном формате, поскольку такого требовала специфика отражения на данном этапе развития исторического субъекта по конкретным показаниям нормы идеализации его реальной типологии через понятие гистерезиса.

Своеобразие этой позиции в том, что она не может быть теоретически завершённой в условиях практики, фальсифицирующей собственные основания, но оказывается достаточной для детекции любых инициатив, нацеленных на идеалистическое воспроизведение этих фальсификаций в виде формата превратного анамнезиса, требующего практики, рассчитанной на симуляцию утопических установок, востребованных абстракцией реального обращения действительности. В указанном смысле проблема соотношения теории и практики оказывается индексом проблемной релевантности онтогносеологической детекции, позволяющей отделить от реальности ту ауру иллюзий, которая ее сопровождает на правах интерпретативного эпифеномена. Действительность, обладающая сущностным содержанием, раскрывается через факторные ранги, допускающие эффект формальной адиафоры факторных показателей на практике, но не их теоретических значений. Этот критерий позволяет увидеть единство теории и практики не с догматической точки зрения, а с позиций исторически-развивающегося конкретного единства самосознания, выраженного понятийно. Наличие в том или ином новообразовании предметной действительности подобного рода коллизии позволяет говорить об исполнении в ней сущности, достигающей эффекта квалифицированной зрелости в порядке явления, достаточном для идеируемой нормы реалистического обобщения.

Список литературы

1. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юристъ, 1995. – 687 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – 440 с.
3. Геффдинг, Г. Философские проблемы / Г. Геффдинг. – М.: Либроком, 2010. – 112 с.
4. Кроче, Б. Антология сочинений по философии / Б. Кроче. – СПб.: Пневма, 1999. – 480 с.
5. Леске, М. Почему имеет смысл спорить о понятиях? / М. Леске, Г. Редлов, Г. Штилер. – М.: Политиздат, 1987. – 287 с.
6. Лифшиц, М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина» / М.А. Лифшиц. – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
7. Лифшиц, М.А. *Varia* / М.А. Лифшиц. – М.: Грюндриссе, 2010. – 172 с.
8. Нордау, М. В поисках за истиной (Парадоксы) / М. Нордау. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2006. – 384 с.
9. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – 502 с.
10. Эмпирик, С. Три книги Пирроновых основоположений / С. Эмпирик. – Минск-М.: Харвест-АСТ, 2000. – 272 с.

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF THEORY AND PRACTICE IN ONTOGNOSEOLOGICAL DETECTION OF ACTUALITY

A.N. Ognev*

Samara National Research University Acad. S.P. Koroleva, Samara, Russia

E-mail: ognev.ssau@mail.ru

Abstract. *The article discusses the issue of the relationship between theory and practice from the point of view of the one-to-one correspondence of being and thinking. The stages of formation of the concept of ontognoseological detection are revealed. The significance of the conceptual distinction between theory and practice is shown. A conclusion is made about the criterial nature of the thesis about the unity of theory and practice from the point of view of factorial ranking in ontognoseological detection of actuality.*

Keywords: *ontognoseology, being, thinking, theory, practice, essence, form, content.*

*OGNEV Alexander Nikolaevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University Acad. S.P. Koroleva.